Брат ответит

Автор:
Анна Литвиновы

Брат ответит

Анна и Сергей Литвиновы

Паша Синичкин, частный детектив #7

В отсутствие шефа, частного детектива Павла Синичкина, посетителей приняла его секретарь Римма. Новые клиенты поразили ее: братья Дорофеевы выглядели эталонными красавцами, но старший, Федор, атлет и тренер по паркуру, опекал младшего, аутиста Ярика… Ярик посещал центр реабилитации и влюбился в преподавательницу Ольгу, а та вдруг спешно уволилась и уехала из Москвы. Римма без труда выяснила, что Ольга скрывается в деревушке Псковской области, и договорилась о встрече. Оля рассказала, что уехала из-за участившихся угроз неизвестных. А вечером все телеканалы сообщили страшную новость о стрельбе в центре реабилитации, куда ходил Ярик…

Анна Витальевна Литвинова

Брат ответит

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Все события придуманы авторами,

Все герои вымышлены.

Окно закрыто, а стойку на руках Федор научился делать в шесть лет. Но когда двадцать первый этаж – все равно стремно. И улыбка на лице немного клоунская. Но в остальном картинка идеальна. Плотные облака скрыли небо и дом напротив. Выглядит, словно серый задник в профессиональной студии. Да еще дождевые капли хаотично разрисовали стекло. Фигура в алом трико на фоне ненастья смотрится вызовом, приговором будням и скуке.

Федор сделал глубокий вдох, максимально напряг правую руку – и отнял левую от подоконника. Его слегка качнуло, нога коснулась окна. Будь оно открыто – мог потерять равновесие, полететь вниз. Опять слабина. Он мысленно выругался. Вернул левую руку на место, беззаботным сальто спрыгнул на пол. Сразу подошел к видеокамере, что была установлена напротив, на треноге.

Заголовок ролику он подобрал заранее: «Одни наслаждаются дождем, другие просто промокают»[1 - Автор Роджер Миллер.]. Очень к философии паркура подходит.

Включил комп, начал монтировать. Наснимал он на восемьдесят шесть секунд, так что без проблем получилось выкинуть все несовершенное, смазанное.

Дальше – музыкальный ряд. Подростки – его зрители – несомненно, оценят бандитский рэпчик:

Just look in my eyes

And you will see Russian paradise![2 - Ноггано. Russian Paradise.]

Просмотрел еще раз. Подошел с камерой к подоконнику. Открыл окно, выглянул вниз, снял страшную – дух захватывает – высоту. Добавил к видеоряду. И выложил ролик на «Ютьюб».

Первый лайк явился – двух секунд не прошло. Пока принимал душ, драил зубы, одевался в чистое – насыпалась почти тысяча. К вечеру – он не сомневался –

перевалит за десятку. И комментов множество. Для большинства – он бог. Но с десяток пугливых мамаш обязательно обольют грязью. Спортивный директор на работе опять будет гнать трэш, что уволит.

Кто спорит, «чайникам» он подает плохой пример – попытаются ведь повторить, дураки. Но правила, нормы и безопасность – это к спортивной гимнастике. А в паркуре стойку на руках у заурядной стены делают только лохи. Просто без опоры, на земле – тоже не круто. На табуретке, брусьях – средний уровень. Вот отвесная скала или крыша небоскреба – высший пилотаж. У открытого окна было бы эффектнее. Но рискованно. Ничего, ему только двадцать. Все впереди. Еще успеет догнать и перегнать Дэмьена Волтерса[3 - Дэмьен Волтерс – профессиональный каскадер, тренер по гимнастике и фриранер.].

Впрочем, едва Федор вышел из комнаты, маска супермена мигом сползла с лица. Для своих подписчиков он кумир и герой. Провинциалы тоже могут позавидовать: живет в столице, кирпичный дом, трехкомнатная квартира. Но остальной контент – полный отстой.

Мебель древняя, унитаз треснутый. В кухне накурено – хотя мать и клялась, что будет ходить на лестницу. Брат Ярик – глаза, как всегда, долу – ожесточенно ковыряет старую ранку на руке. Родительница – в дрожащей руке кофейная чашка – на младшего ноль внимания. Уткнулась в телик, про орошение кишечника слушает. Лучше бы мелким занялась. Прекрасно ведь знает: нельзя, чтобы он теребил царапины. Если не остановить, раздерет свою же плоть до мяса. Но маме на Ярика плевать. Зато Федору заулыбалась, кофе отставила прочь, вскочила:

– Оладьи будешь?

Он принюхался: в ее дыхании кофе, табак и коньяк. Подходящий наборчик для девяти утра.

Буркнул:

– Опять киряешь?

Мама виновато улыбнулась:

– Нет, Феденька, что ты! Только одну чайную ложечку в кофе! Я ж после ночной. Нужно расслабиться.

Можно подумать, она напрягается – когда консьержкой их подъезд сторожит. И дрыхнет всю ночь в каморке.

– Зря ты, мам, – мягко упрекнул Федор. – Совсем сопьешься – как я с вами двоими слажу?

И сел рядом с братом. Уверенно накрыл ладонью его руку, оторвал от болячки. Ярик насупился. Втянул голову в плечи, сдвинул брови, пробует вырываться.

Старший обернулся к матери:

– Посмотри, как расковырял! Кровь идет!

Та раздраженно отозвалась:

– Ну, йодом помажь. Дать?

И ни капли сочувствия в голосе.

Федор где-то читал, что женщина способна хранить верность только семь лет. Мать продержалась восемь.

В два года младшему поставили диагноз: аутизм, синдром Аспергера. Папаша и раньше в дела семьи особо не лез, проводил время с дружками, бегал налево. А тут быстренько свалил – навсегда.

Мать – та без колебаний бросилась бороться. Исступленно таскала Ярика по врачам, развивала, учила. Радовалась мелочам мелким: сам зубы почистил! В магазин сходил без истерик.

Но однажды понесла ее нелегкая к абсолютной звезде – академику, мегаавторитету по детскому аутизму. Полгода ждала, пока очередь на прием подойдет, жуткую сумму денег отвалила за консультацию.

На форумах про доктора писали: «Этот всегда правду скажет». Светило и рубанул: «Перспектив улучшения нет, социализация маловероятна, обучение по школьной программе исключено даже в домашних условиях».

Мать и до поездки к академику из последних сил держалась. А когда услышала, что бороться бесполезно, – в одночасье погасла. Забросила развивающие методики, перестала таскать Ярика во двор, чтоб учился общаться. Начала попивать.

Федору тогда было уже шестнадцать. Он входил в сборную Москвы по спортивной гимнастике, постоянно мотался по тренировкам, ездил на сборы и дома бывал редко. Больной братик – если видеться с ним только поздними вечерами и по редким выходным – его особо не напрягал. Да, разобрать, что бормочет Ярослав, проблематично. А когда тот начинал одно слово по сто раз повторять – просто бесило. На улице мог опозорить: на землю упасть, заорать. И голова вечно долу, будто нашкодил. Зато если все-таки взглянет в глаза – светилась в них преданность похлеще, чем у японской собаки Хатико. Врачи уверяли, что аутисты ни к кому не имеют привязанности, но Федя считал – полное вранье. И лично за него младший брат жизнь отдаст.

Спортивная гимнастика – занятие стремное. Перелом лодыжки или ключицы считается мелочью. Федя тоже получал травмы, по счастью, легкие. Зато доводилось навещать в больницах тех приятелей по команде, кому повезло меньше. Поэтому он искренне считал: куда лучше быть аутистом, чем сломать шею или седьмой позвонок. Тем более что у брата синдром Аспергера, не самый из всего аутизма тягостный вариант. Да, говорить Ярик не любил и книжки читать не мог. Но мозги в какую-то странную сторону у него работали. Трехзначные числа перемножал, в шахматы Федора делал. И дрессировке, пусть трудно, но поддавался. Федя – хотя мать и возражала – научил Ярика мыть посуду. Получалось у того крайне медленно, и разбивал половину, зато очень уж лицо ржачное. Будто ни разу не повинность, а великую миссию выполняет. Долго разглядывает тарелку под всеми углами, крутит ее, вертит, чрезвычайно бережно касается губкой. Один предмет – пятнадцать минут.

– На воде разоришься, – ворчала мать.

– Пусть помогает, – улыбался Федор.

И чувствовал себя почти счастливым. Лучше хоть какие-то мать и брат, чем совсем сирота. У них на спортивной гимнастике был один парень из детского дома. Очень красочно рассказывал: про карцер и как в столовке за хлеб драться надо.

А потом случился переломный момент.

Однажды ярким субботним днем мать буднично заявила, что больше терпеть не может и вчера она подала заявление, чтобы Ярика отправили в интернат.

– Куда? – опешил Федор.

– Ну, к таким, как он, – пожала плечами родительница. – Ему лучше будет.

– Ты серьезно?

– Парень растет, агрессивным становится. Вчера у малышей во дворе мячик отнял. И бросил под машину.

– Ох, какой ужас! – хмыкнул Федя.

– Ты смеешься, – поджала губы мать, – а мне женщины сказали: еще раз на площадке появимся – полицию вызовут.

– Они не имеют права.

– Федя, – в маминых глазах заблестели слезы, – ты дома редко бываешь. Поиграешься с братом полчаса – и опять исчез. А я с ним – целыми днями. Он скоро будет подростком. Ты понимаешь, что это значит? Аутисты себя контролировать не умеют. Он уже вчера в спальне под дверью стоял, когда я переодевалась. И подглядывал.

– Ему всего двенадцать!

– Но он просто глаз с меня не сводил! Я боюсь! – прижала руки к груди.

Старший сын промолчал.

Забавное совпадение. Ему вчера тоже предложили полностью изменить свою жизнь. Перейти из обычной школы и секции на казенный кошт, в училище олимпийского резерва. То есть дома вообще не бывать. Тренировок еще больше. Зато перспективы – поездить по миру, что-то выиграть.

Мать, конечно, одобрит. Всем уже раззвонила, что Федор – кандидат в сборную России, скоро золотую медаль привезет.

И будет счастлива обоих сбагрить, пьянствовать в свое удовольствие.

– Ты уже ездила в интернат? – спросил Федя.

– Зачем? – удивилась она. – Документы пока не готовы.

Федя отправился сам. Посмотрел, ужаснулся. Палаты на десятерых. Хлорка, кислая капуста, санитарки в грязных халатах. Пациенты – отрешенные зомби. Какое там мытье посуды или шахматы! Месяца не пройдет – Ярик и говорить разучится.

«А если я с бревна сорвусь, мать меня в другой интернат засунет. Для парализованных».

Осуждать или переубеждать не стал.

Другую все равно взять неоткуда.

Но Ярика в интернат отпускать нельзя.

На хрен медали. Все равно единицам достаются, а у них только в потоке больше ста человек.

Мать решила свое, а он – свое.

Вместо училища олимпийского резерва порвал с гимнастикой и взял Ярика полностью на себя.

Мать ужасно оскорбилась, что ребенок, не спросив ее разрешения, посмел бросить спорт, и ударилась в конкретный запой. Федор запаниковал. Как в школу-то ходить? Оставлять дома пьяную маманю и больного брата никак нельзя. Квартиру спалят. Сначала думал на домашнее обучение проситься, но это ведь сам с ума сойдешь – целый день ухаживать за инвалидом, да еще и уроки учить.

Засел за форумы и отыскал: неподалеку от дома имеется Центр реабилитации больных аутизмом. Коммерческий.

Дорогим оказался, зараза, зато работать начинал с восьми утра. Федя успевал отвести дитя в садик и почти не опоздать в школу.

Ярик согласился ходить в Центр без капризов. Местечко оказалось милое, похожее на дом отдыха: свой сад, цветы, дорожки, фонарики светодиодные.

На ресепшене восседала улыбчивая рыженькая болтушка и красавица Ксюша. Педагоги – сплошь молодые и даже неформальные, кое-кто щеголял в рваных джинсах или пирсингом сверкал. Методики, как ему рассказала начальница, применялись самые современные. Брат за пару недель научился собирать кубик Рубика и разборчиво, металлическим голосом робота, говорить: «Здра-вствуй-те».

Только вот никаких льгот для их неполной семьи не полагалось.

На то, что в будни, с восьми до двух, Ярик находился в Центре, уходила вся его немаленькая инвалидная пенсия. Надо оставить на подольше – платить нечем. От матери с ее зарплатой консьержки толку мало.

И опять Федя нашел выход. Спортивная гимнастика сейчас мало кому нужна. Но если ты умел делать сальто, то легко мог освоить стремительно входящий в моду паркур.

Он пересмотрел кучу роликов, кое-что натренировал, показал в школе на уроке физкультуры. Народ прифигел. А физрук сам предложил секцию открыть. Вместе.

Вдвоем отправились к директору. Начальство одобрило. Официально Федора оформить не могли, но конвертики каждый месяц он получал.

Даже парни из обычных семей завидовали: им, чтобы девчонку в кино сводить, приходилось у родителей клянчить. А у Феди, пусть небольшая, но собственная денежка имелась.

Школа, по счастью, скоро закончилась, и замаячили перспективы посерьезнее. Парня – кандидата в мастера спорта, да еще с опытом преподавания паркура – взяли инструктором в батутный центр. Вел две группы, плюс частные уроки давал – восемьсот рублей за шестьдесят минут «чистыми». На фоне прочих инструкторов – доморощенных уличных паркуристов – смотрелся весьма выигрышно. Поэтому ценили. Пропустить занятия, подмениться – вообще не вопрос. И Ярика на работу разрешали приводить. Братик сначала дичился, сидел букой в углу, но хотя бы по полу не катался и в буйство не впадал. Наблюдал завороженно за прыгунами, причем пижоны, крутившие сальто, его не интересовали. Он не сводил глаз с детей, кто примитивно скачет вверх-вниз. А вскоре оттаял настолько, что сам стал прыгать. Смотрелся еще смешнее, чем малыши. Посетители его за робота принимали: амплитуда всегда одинаковая, в сторону ни шагу, руки скрещены, посадка головы строго вертикальная, лицо отсутствующее. И терпение адское – мог час прыгать, два, три, пока не падал от усталости.

Федор даже короткое видео снял, показал в Центре, куда продолжал водить Ярика. Там изумились: чуть ли не первый случай в мире, когда больной аутизмом освоил батуты. Федора дружно уговаривали доклад сделать. Обещали на английский перевести, за границей издать.

Но по-научному молодой спортсмен выражаться не умел, а общие слова про свободу полета и приятно пустеющий во время прыжков мозг писать не хотелось.

Он гордился, что жизнь своей семье сумел устроить, что милостыни ни у кого не просит. Что даже автошколу закончил и, может, со временем накопит и на

машину.

В любви только не везет.

Но оставалось радоваться тому, что есть.

Мать кое-как ведет хозяйство, пьет в меру. Брат – пусть не превратился в полноценного члена общества – особых тягот не доставляет. И повинуется старшему беспрекословно.

…Вот и сегодня Федор не сомневался, что решит проблему за минуту. Подумаешь, ранку вздумал ковырять! Взял Ярика за руку, сказал строго:

– Нельзя.

– Буду, – сердито ответил младший.

И попробовал вырваться.

Обычная и полностью нормальная первая реакция.

– Нельзя! – повысил голос Федор.

Сильно сжал ладони Ярика – боль всегда отрезвляет. Потом отпустил, протянул брату четки. Главное – переключить внимание.

Тот насупился – и четки отшвырнул.

В Центре предупреждали: шестнадцать лет для больного аутизмом – возраст сложный. Половое созревание завершилось, тело требует, а мозг не понимает, что организму надо.

– Будешь ковырять – врежу. Конкретно, – пригрозил Федор.

И кивнул матери:

– Дай пластырь.

Ловко заклеил ранку. Снова повторил:

– Не смей больше трогать.

Однако Ярик сорвал пластырь и ковырнул царапину с такой силой, что кровь струей брызнула.

А вот это уже бунт.

– Я предупреждала, – проскрипела матушка, – время придет – он и тебя перестанет слушаться.

Применить конкретную силу – дать пощечину, прижать брата к стене и снова заклеить рану – ничего не стоило. Но Федор решил попробовать договориться. Перестал нападать и спросил участливо:

– Проблемы, бро?

– Бро… – повторил Ярик.

– С девушкой поругался? – подмигнул Федор.

Он прекрасно знал, что девушки – как и любые другие люди, кроме самого себя – брата не интересовали.

Зря он на человеческие разговоры время теряет. Сейчас Ярик бесконечно заладит, как всегда бывало с новым для него словом: «Бро, бро, бро…»

Но тот вдруг сказал:

– Оля.

– Как? – Федя от неожиданности даже отпрянул.

А Ярик снова вцепился в царапину, начал драть ее, раскачиваться, забубнил:

– Оля-ля-ля-ля-ля…

– Все. Хватит! – рявкнул Федор.

В который уже по счету раз заклеил рану. Слегка врезал брату под подбородок:

– Сдерешь пластырь – прибью. Понял?

Непедагогично, в Центре не одобряли, но действовало.

Ярик членовредительство прекратил, но про неведомую Олю твердил весь завтрак и потом, когда Федя вел его на занятия.

– Да кто она такая? Тоже в ваш Центр ходит? Или училка? – пытался выведать старший брат.

Но добился только надсадного вопля:

– Ушла от меня!

Федор усмехнулся. Надо ему задержаться в Центре. Поболтать с Ксюшей, понаблюдать. А то вечно в спешке: привел, забрал – и бежать. Может, американские и прочие мировые методики, что активно практиковали педагоги-новаторы, возымели действие? И отрешенный от мира брат вскоре окончательно превратится в нормального? Влюбится, женится, нарожает детей, научится петь им колыбельные песни? А то и в кино снимется?

– Ярославушка наш пришел! – привычно обрадовалась администратор.

Ярик всегда махал старшему рукой, но сегодня не попрощался. Сразу двинул в общий зал, полный самых разнообразных предметов. Пазлы, мягкие мячи, кубики, матрешки, яркие карточки. Федя каждый раз удивлялся, насколько увлеченно с этой белибердой возятся взрослые на вид люди.

Он проводил брата взглядом и спросил у Ксюши:

– А Оля – это кто?

Та округлила глаза:

– Вам Ярик про нее сказал?

– Угу, – кивнул Федор.

– Прямо имя назвал? Потрясающе! – восхитилась. – Это явный прогресс! Меня он все годы упорно называет тетей. – Схватилась за телефон, объяснила: – Начальнице позвоню, обрадую!

– Потом позвонишь. – Федя, на правах красавца и атлета, с девушкой был без церемоний. – Мне объясни сначала. Кто она?

– Педагог наш. С Ярославом очень плотно работала последние несколько месяцев. Они подружились, насколько это возможно.

– Я могу с ней поговорить?

– Нет, – вздохнула Ксюша. – Ольга уволилась. Еще позавчера.

– Почему?

– Непонятно, – понизила голос администратор. – Она просто заявление написала – и все, исчезла. Телефон выключен. С квартиры съехала.

– Откуда эти детали?

– Так ищем ее! Начальство в ярости! По кодексу ей хотя бы две недели надо было отработать. А по-хорошему – пока замену не найдем. Разве можно так уходить? Вон Ярик ваш потерянный какой!

Федор взглянул сквозь стеклянную стену общей залы. Младший брат забился в угол, подтянул колени к подбородку. Рядом с ним стояла милейшая девушка-преподаватель, что-то горячо вещала, но Ярик закрыл ладонями лицо и с каждым ее словом все глубже впивался ногтями в череп.

– Так чего эта ваша Оля ушла? Может, поссорилась с кем-то? – предположил Федор.

– Я бы знала, – простодушно отозвалась Ксюша. – Два дня дерганая ходила, а позавчера утром прибегает вся бледная, заявление на стол кинула, вещи похватала, вместо «до свидания» – «Только не ищите меня!» И усвистала.

– А она с одним Яриком работала или с другими тоже?

– Господи, Федя, вы совсем, что ли, с луны свалились? Это та самая Ольга Савельевна, что у них танцы вела! Балет ставила! Несколько дней назад премьера прошла, с большим успехом. Ваш Ярик главную партию исполнял. И в Главный театр они вместе потом ходили.

– Ах, да-да.

Вот, значит, кто эта Оля.

Лично Ярик ничего о своих танцевальных подвигах не рассказывал – он о себе говорил крайне редко, а тут еще, видно, стыдился, что девчачьим делом увлекся. Но Ксюша звонила, предупреждала: тогда-то репетиция, тогда-то премьера. Разумеется, Федор на нее не пошел – дурак он, что ли: балет смотреть? Только радовался, что брат задерживается – а платить за дополнительное время не нужно.

Но чего эта Ольга, правда, смылась? Может, права мать? Зажал их особый ребенок преподшу в углу, перепугал до смерти? Естество у него изрядное.

Ярик, хотя и умел принимать душ самостоятельно, постоянно разбрызгивал воду, поэтому брат частенько приходил помогать-надзирать. И все гадал, о чем думали природа или Создатель, когда наделяли блаженного столь гигантским хоботом.

Он осторожно спросил у Ксюши:

– А она не из-за Ярика ушла? Я, хоть и здоровый, себя в шестнадцать лет с трудом контролировал. А он-то недееспособный. Никаких норм и правил.

– Нет, что вы! – отмахнулась Ксюша. – Ярик Олю только как педагога воспринимал. Да и потом, у нас ведь видеонаблюдение!

«Да ладно. А парк? Он огромный, на все закоулки камер точно не напасешься».

Федор немного общался с другими горемыками-опекунами. Знал: если больной аутизмом подросток вожделеет, морали-ограничения ему не писаны. И Оля – раз учитель – тоже прекрасно понимала: в полицию на психически больного не пожалуешься. Только и остается – если допек – убегать.

– Она хоть красивая была? – поинтересовался у администратора.

– Обычная. Ни рыба ни мясо, – пригвоздила Ксюша. И кокетливо подбоченилась.

Федор, впрочем, на призывную улыбку не ответил. Сухо попрощался и вышел вон. М-да, дела. Если брат действительно начал зажимать в углу воспитательниц, из Центра его скоро попросят. По-западному вежливо, но неотвратимо. И еще – вдруг осенило его – имеется один вариант. Самый неприятный. Хотя почему неприятный?

Если сбежала та самая – вообще отлично.

* * *

Мать любила охать, что младшему сыну «плевать на всех». Но Федор считал: родительница попугаем повторяет азбучную истину: аутист – человек в себе. Да, он в себе. И душой компании никогда не станет. Но любить умеет. Преданно. Как хорошая собака.

Прежде Федя (слегка рисуясь) считал, что он у Ярика – единственный хозяин. Но блеклая Оля – а как иначе, если старший брат даже ее лица не запомнил, хотя

наверняка видел в Центре, – внесла в их жизнь полное смятение.

Начать с того, что Ярик впервые за четыре года на следующий день категорически отказался идти на занятия. Цирк устроил такой, что соседи стучали по батарее: визжал, катался по полу, драл лицо ногтями. Федор, хотя давно тренировал в себе выдержку с хладнокровием, еле удержался, чтобы не навалять блаженному по первое число. Но смог себя остановить – не потому, что добрый, а просто бесполезно. Упрямец все равно не пойдет, сколько ни бей.

Мать, едва начался скандал, сразу категорически заявила:

– Я с ним одна не останусь.

И чего было делать? У Федора с двенадцати работа – сначала индивидуалки, потом группа. Подмениться возможно, но за клиентов в клубе драка. Нашепчут, что «проблемный инструктор». Уведут с трудом завоеванный контингент.

Привязать к кровати, заткнуть рот, чтоб не орал, и уйти? Совсем гестапо.

Пришлось пойти на мировую.

Отвел Ярика в гостиную, включил телевизор, строго произнес:

– Сейчас выберем канал, и ты его будешь смотреть. Целый день. С дивана не встанешь.

Любой нормальный сразу бы взялся спорить, но Ярик только кивнул.

Минут десять не сводил глаз с телемагазина, потом ненадолго увлекся мультиками, но в итоге выбрал сериалы. Здесь они шли подряд, без рекламы: про Мухтара, «След», «Ментовские войны» и прочее.

Федор попытался отговорить:

– Не поймешь ничего. Давай лучше про природу. Или футбол.

Но Ярик лишь головой упрямо потряс.

Старший сходил на кухню. Нарезал колбасы, набрал сухарей, сушек, взял яблок, бананов, бутылку воды. Разместил на столике рядом с диваном. На пол поставил «утку», притащил плед, если брат вдруг замерзнет. Ярик не сводил глаз с экрана. Федя погрозил на прощанье кулаком, напомнил:

– Тихо сидеть! С дивана не вставать.

И запер гостиную на ключ.

Окна – стеклопакеты с заглушками. Никакой стеклянной посуды или ножей. Хорошо бы кого-то оставить на страже, но мать лживо улыбнулась, начала плести про подругу – та якобы сломала ногу, помочь некому, в общем, нужно срочно ехать на другой конец города.

Федор не дослушал, попросил:

– Главное – много не пей.

На работе нервничал. Вспомнил, что сервант в гостиной со стеклянными дверцами. И у лэптопа шнур искрит, изолентой замотан. А Ярик – тот все чинить обожает. И не позвонишь ведь, не предупредишь, чтобы не трогал. Брат обращаться с телефоном не умеет. А если и возьмет трубку – все равно сделает наоборот. Из принципа. Лучше не привлекать внимания и надеяться, что не заметит.

У последней группы Федя даже заминку проводить не стал. Велел делать растяжку самостоятельно и помчался домой. Окна в квартире темные – только в гостиной экран мерцает. Мать, значит, до сих пор шляется. А Ярик, похоже, умник. Послушно сидит перед теликом.

Дверь постарался отпереть бесшумно. Сразу сбросил ботинки, прокрался до гостиной в носках, прислушался. Стреляют. Очередной бандитский сериал.

Повернул в замке ключ, вошел – и обалдел. Телевизор брат не смотрел.

Валялся в углу комнаты на животе и азартно лупил по клавишам лэптопа. На Федора даже не взглянул. По экрану компа сыпались объемные геометрические фигуры. Старинную игру «Тетрис» где-то раскопал.

Хитер бобер! Прежде к компьютеру никакого интереса не выказывал. А тут и включить сумел, и в Интернет выйти, игрушку скачать.

– Ярик, – задумчиво спросил Федор, – может, ты все гонишь?

Брат обернулся. Повторил:

– Гонишь.

– Ага, – кивнул Федя. – Нарочно под дурака косишь.

– Косишь.

Ведет себя, как обычно, но в глазах что-то похожее на насмешку мелькнуло.

«Другой он стал, – с беспокойством подумал Федор. – Надо с врачом повидаться».

И строго спросил:

– Завтра в Центр пойдешь?

– Нет, – поспешно откликнулся брат. И разразился почти осмысленной фразой: – Оли нет, ходить нет.

Бредовая ситуация. Федя позвонил лечащему врачу. Рассказал о подвигах Ярика. Доктор предсказуемо заволновался и велел прибыть к нему завтра.

Счастье, что индивидуалок не запланировано. А в группе придется просить, чтобы заменили. Врач живет далеко, принимает не сразу и с Яриком беседует часа по два. Целый день из жизни можно смело вычеркивать.

* * *

Мать явилась только к полуночи, пьяная, про Ярика спросить не утрудилась, лезла к Феде гладить по голове, порывалась с ним выпить и разозлила окончательно.

Спать, конечно, уложил, но ровно в восемь утра растолкал. Строго приказал:

– Следи за малы?м. Я бегать пошел.

– О-о, не-ет! – простонала родительница.

– Давай-давай. Вставай!

Скинул одеяло, вытянул за руку из постели, подал халат, привел на кухню.

– Вари себе кофе и даже не думай спать!

– Изверг, – ласково улыбнулась матушка.

И взглянула с обожанием.

«Да, я король», – грустно подумал Федор.

И выбежал в весеннее утро. Бег он не жаловал, но признавал: сие занятие отлично прочищает мозг. И убивает злые мысли. Будем надеяться, пять километров в быстром темпе изгонят идею, что мать была права, когда хотела сдать Ярика в интернат.

Рядом с их многоэтажкой располагался парк, и здесь уже вовсю кипела активность. Лаяли собаки, дамы с палками для ходьбы умудрялись перегораживать все тропинки, юные качки штурмовали брусья с турниками, мамаши с малолетними детьми истерично взвизгивали: «Ой, смотри! Уточка! Белочка!»

Влажный воздух обволакивал, ветер бил в лицо, нервы постепенно успокаивались. Федор вспомнил, как сам подростком чудил, как одноклассники выделывались, кое-кто до тюрьмы. Ярик – не человек, что ли? Надо банально потерпеть, пока гормональная буря закончится.

Умиротворил себя настолько, что по пути домой заскочил в магазин, взял эскимо – Яриково любимое. Но заплатить не успел – когда шел к кассе, налетел на Ильиничну, соседку с двадцатого этажа. Та окинула рентгеновским взглядом его потный спортивный костюм и буркнула:

– Бегает он! Лучше б за братом смотрел.

Федор нахмурился:

– Ярик дома.

– Ага, жди. Сбежал он.

– Как?

– Вот уж не знаю! Я его у подъезда встретила, хотела остановить – плюнул в меня. Плюнул, я едва увернулась! Знаешь ведь, что дурак, – зачем одному ходить разрешаешь? – Тон Ильиничны стал визгливым, люди начали оборачиваться.

Федор отшвырнул мороженое, схватил соседку за плечи:

– Куда он пошел?!

Возмутилась, сбросила его руки:

– Ты чего трясешь-то меня?

– Куда он пошел?! – взревел Федор.

– Ох, господи! В парк вроде. Да ты не боись, – успокоила снисходительно, – там ментов полно. Отловят. Доставят обратно.

Вот тебе и «все хорошо». Мамаша, видно, обратно в койку завалилась – а Ярик воспользовался. Но что у него на уме? Приступ дромомании?[4 - Дромомания – влечение к побегам из дома, скитанию и перемене мест, наблюдается при различных психических заболеваниях.] Или что похуже надумал?

Федор вышел, растерянно затоптался у магазина. Кусковский парк – почти лес, 310 гектаров. Усадьбу Шереметевых и всякие шахматные площадки, где народу полно, можно исключать сразу. Но если свернуть с тропинок, можно совсем глухие места отыскать. Вдруг вешаться собрался? Оптимистов с синдромом Аспергера не бывает. До двух третей больных задумываются о самоубийстве. Еще треть пытается его совершить. Ох, как Федя сейчас зол был на мать, что недосмотрела – и даже небось рада будет освободиться от инвалида!

Он – спортсмен – с детства привык действовать решительно, быстро, но сейчас лишь бесцельно стоял на крыльце. Глупо бегать по всему парку. А догадаться, что у брата на уме и где его искать, Федор не мог.

Но иногда и растерянность на руку. Пока паниковал возле магазина, оттуда вышла Ильинична, за ней – грузчик-узбек в синей спецовке.

– Федор! – громогласно выкрикнула соседка. – Вот он видел! Ярик к станции пошел!

Еще круче. Железнодорожная ветка проходит по окраине парка, и поезда с электричками по ней носятся каждую минуту.

– К «Вешнякам» пошел, да! – закивал узбек.

– Когда это было? – подобрался Ярик.

– Четыре минута назад. Может, пять.

Тогда шанс есть. Нагнать, остановить.

– Спасибо! – на ходу крикнул Федор и со всей мочи бросился бежать.

Станция «Вешняки» в их микрорайоне особой популярностью не пользовалась. Электрички там останавливались редко, а идти – почти столько же, сколько до метро «Выхино». Но Федя, раз машины пока не имел, считал, что нужно использовать все возможности общественного транспорта. Поэтому знал и расписание, и короткий путь лесными тропами.

Туда сейчас и свернул. Ярик, по счастью, бегать не умеет. Есть шанс нагнать.

Мчался вдвое быстрее, чем на пробежке, но нервы – недавно умиротворенные – расшаливались все больше. Федор злился на всех: на Олю и сотрудников Центра. На мать. На создателей сериалов. Небось это они вчера показали Ярику очередную современную версию прыжка Карениной, и несчастный больной решил повторить.

Федя миновал лес, выбежал к забору НИИ с неведомым ему названием. Попытался еще прибавить газу, но силы даже у спортсменов не беспредельны. Сбавил темп до очень быстрого шага – и вдруг увидел: Ярик деловито шагает по территории.

Остановился, заорал:

– Ярослав, стой!

Брат, несомненно, услышал. Но даже и не подумал бежать на свист хозяина. Вжал голову в плечи и скрылся внутри здания.

А ведь в НИИ – бюро пропусков, строгая табличка: «Вход строго по заявке от фирмы и паспорту»!

Как он охранников уболтал – документ-то у Федора лежит? И какая-такая фирма подала заявку?!

Но выяснять некогда. Забор неудобный, довольно высокий, с пиками, но руки у Федора сильные. Легко подтянулся, перемахнул, спрыгнул. Сирены не взвыли, пара дамочек, куривших у крыльца, поглядели с уважением.

Спортсмен на ходу отряхнул руки и спортивные штаны от заборной ржавчины, вбежал в здание, успел увидеть: ярко-синяя со светоотражающей полосой курточка брата мелькнула на лестнице.

У Ярослава, несомненно, продуманный план. Зря Федор считал, что брат по интеллекту на уровне ретривера, а то и комнатного растения.

Вот и второй этаж. Синей куртки не видно. Коридор почти пуст – только уборщица возит по полу грязной тряпкой.

– Простите, – кинулся к женщине Федор, – вы не видели, парень в синей куртке куда пошел?

– Откуда мне знать? Я только ваши ботинки вижу, – буркнула уборщица.

– Он в черных кроссовках. И черных брюках.

Женщина неопределенно показала рукой вперед:

– Туда куда-то.

«ООО «Летим в лето» – прочитал Федор на одной из дверей. Открыл, заглянул – две тетеньки за компьютерами.

– К вам подросток не заходил? – сам не понял откуда, но в голосе жалобные нотки.

– Мы турпутевки детям не продаем, – проскрипела одна из дам.

А уборщица разогнулась, взглянула на Федора, уточнила:

– В правый коридор повернул. – И похвалила: – Кроссовочки чистенькие, такой молодец!

Федя старые фильмы почти не смотрел, но «Солярис» осилил. И сейчас ощущал себя героем Криса Кельвина. Погнался за сумасшедшим, а теперь чувствует, что

сам сходит с ума.

«ИП «ЧАЙ-ВЫРУЧАЙ» – дверь заперта.

Рекламное агентство «Пятый отдел» – в комнате единственный мужчина, почему-то в военной форме, погоны майорские. Федор его даже ни о чем спрашивать не стал, поспешил дальше.

На следующем офисном помещении висела табличка: «Детективное агентство «ПАВЕЛ».

Туда Федор тоже заглянул – и, о, счастье, синяя куртка брата и сам Ярик оказались здесь.

Брат сидел спиной к входу, за столом. А по другую сторону, лицом к двери, оказалась довольно милая, но очень испуганная девушка. Федя успел оценить потрясающие ведьмины глаза и нахальный оранжевый лак на ее ногтях. Бросился к брату. Хотел – без пиетета – сразу взять за шкирман, но удержался. Как мог беспечно произнес:

– Ну, и что ты тут делаешь, Ярик?

На прямые вопросы его подопечный отвечал крайне редко. Сейчас тоже промолчал – только голову в плечи традиционно втянул. А милашка – довольно растерянно – отозвалась:

– Молодой человек хочет мне заказ дать.

– Дать что?!

– Поручить поиски человека.

– О, боже!

– Да. Просит м-м-м… его девушку отыскать. Фоторобот принес.

– Фоторобот?!

Напряжение дня доконало, Федя вдруг начал ржать – неожиданным для себя самого тоненьким смехом.

Без церемоний подошел к столу, взял нарисованную карандашом картинку. Без сомнения, творчество Ярика. Полная абстракция, на лицо похожа чрезвычайно отдаленно.

– А что… что он еще вам сказал? – продолжал задыхаться от истеричного хохота Федор.

Зеленоглазая красавица совсем растерялась, на глазах слезы:

– Он сказал, что ее зовут Оля.

– Номер… номер двадцать пять тысяч сто сорок семь! – продолжал угорать Федор. Увидел полное непонимание на лице собеседницы, постарался взять себя в руки:

– Я читал: в России четыре с половиной процента женщин носят имя Ольга. Так что тяжело вам придется!

Стер наконец с лица глупую ухмылку. Произнес:

– Извините. Перенервничал. Меня зовут Федор Дорофеев. А к вам пришел Ярослав, это мой младший брат. У него аутизм.

– Я поняла. – Ведьмочка с оранжевыми ногтями вновь обрела хладнокровие. И деловито уточнила: – Но ваш брат ищет вполне конкретную Ольгу.

– Неважно, кого он ищет.

Федя положил руку на плечо Ярику. Он реально боялся: сейчас опять начнется истерика. Ковырять ранку – ерунда. Брательник может и запястье себе перегрызть, и карандаш в глаз всадить.

Ожидал буйства – но неожиданно увидел просто несчастного, с россыпью прыщей на лбу, подростка. Ярик сложил руки в молящем жесте (в его арсенале раньше такого не было – не иначе, в сериалах вчера подсмотрел) и попросил с почти нормальной дикцией:

– Оля. Фамилию узнать. Несложно. Римма найти.

– Римма – это вы?

– Да. Я… частный детектив, – не слишком уверенно представилась девушка.

Ничего себе! Несчастный больной и познакомиться с красоткой успел.

– А почему Римма, если агентство называется «Павел»?

– Павел – мой м-м-м партнер. Но он сейчас в отъезде. Я работаю сама.

– Ладно, Ярик, пошли, – скомандовал Федор.

Девушка взглянула обиженно:

– Объяснили бы хоть, кто эта Ольга.

– Он ходит в Центр инвалидный. Это его учительница. Она два дня назад уволилась.

– Значит, найти ее будет не слишком сложно, – обрадовалась Римма.

– Нет. Никого искать не нужно, – твердо сказал Федор.

– Я сейчас буду орать, – абсолютно нормальным голосом предупредил Ярик.

И уже рот открыл.

– Только посмей!

– Тогда Оля, – мгновенно отозвался брательник.

Ничего себе! Торговаться научился.

Но если правда начнет вопить? Ярик умел, Федор всегда со стыда умирал. Очень неудобно будет на глазах милой ведьмочки оскандалиться.

– Едрень-матрень! – не удержался Федя. – Вот лживое создание! Притворялся, что попу себе толком подтереть не умеешь! Как ты, баран, детективное агентство нашел?

– Интернет, – опустил голову Ярик. – Карта. Искать рядом, где наш дом.

– Логично, – вздохнул старший брат.

– Вы знаете… – робко встряла Римма, – у нас сейчас скидки. Плюс он инвалид. Совсем недорого получится.

– Да не в этом дело! Просто не нужно ее находить!

– Почему?

М-да. Хоть сыщица и молода, но навязывать услуги умеет.

Федор хмыкнул:

– Втрескался он, похоже, в эту Олю. Домогался ее. Поэтому и удрала. Колись, Ярик, зажимал ее в углу? Целовать пытался?

– Целовать, – вздохнул печально. – Оля сердиться. Но меня простить. Ее дядя пугать. Не я.

У Федора совсем голова кругом.

– Какой еще дядя?

– Театр. Красный и золото.

Римма аж рот приоткрыла – миленькие зубки, розовый язычок.

Старший неохотно пояснил:

– Оля водила их в Главный театр.

– Ладно вам упрямиться! Давайте я ее найду! Бесплатно! – горячо произнесла юная сыщица.

– Ох, Ярик. Одни траблы с тобой, – буркнул Федор. – Ладно. Так и быть. Только милостыни мне не надо. Давайте договор или что у вас там. И говорите, какой аванс.

Сыщица послушно достала бумаги. Старший брат виновато улыбнулся:

– Но хороши мы, заказчики! Я ведь тоже не знаю, как выглядит эта Оля. С преподавателями общаться некогда… Ярик, можешь ее описать?

– Красивая, – робко улыбнулся младший.

– Понятно, – тяжело вздохнул Федор.

А детектив посоветовала:

– Лучше позвоните в Центр реабилитации и просто узнайте ее фамилию.

Старший поморщился. Достал телефон, набрал номер. Когда ему ответили, потребовал – одновременно бархатно и властно:

– Ксюша, как там эту балерину зовут?

Поблагодарил сухим «спасибо», прощаться не стал и сообщил:

– Польская Ольга Савельевна.

Римма

Павел Синичкин опять меня бросил.

Как мужчина и женщина мы расстались давно, но теперь я и старшего товарища-наставника-друга лишилась.

…Начало года в нашем детективном агентстве выдалось чрезвычайно бурным. Четыре дела в производстве, работа без выходных, ночи без сна. Пашуне, конечно, доставалось круче – но на то он мужчина и главный. Впрочем, я тоже вертелась, как сумасшедшая белка в колесе.

В конце марта в делах наступила наконец блаженная пауза. И я очень надеялась, что Паша предложит нам отдохнуть – вместе.

Однако Синичкин огорошил:

– Римма, я решил поехать в Индию. Причем по шоковому варианту. Кемпинг. Ноль звезд. Удобств нет, змеи, ядовитые насекомые, дизентерия. Поэтому с собой не зову. Тебе там абсолютно не понравится.

– А тебе?

– Ну, я старый солдат. Привык к лишениям.

– Ты не можешь себе позволить что-то приличное?

– Я хочу о жизни подумать. А все говорят: именно в Индии случаются просветления. Надо понять, куда дальше двигать. Устал я уже частным детективом бегать.

Меня раздирал миллион чувств, исключительно деструктивных. Но – чтобы не плакать – я улыбнулась. И посоветовала:

– Обязательно ходи на йогу. А еще медитируй. Очень помогает просветлиться.

– Буду, – решительно отозвался он.

– Только пирамидон не кури. Вредно для здоровья.

Мне очень хотелось со всей силы врезать Синичкину под дых.

Врет все, я нюхом чуяла. Куда-то в другое место он едет и с кем-то.

Но упрашивать, унижаться не стала. Ничего. Поработаю одна. Заодно и осмотрюсь. Давно пора не сохнуть по Синичкину, а замену ему искать.

И не успел Паша отбыть – вот вам, пожалуйста. Явились два красавчика.

Я прежде считала: в плане внешности моему шефу конкурентов нет. Однако обожаемая мной Пашина квадратная челюсть слегка померкла, когда я увидела Федора с Ярославом. Эти двое были сделаны будто по канонам Леонардо да Винчи. Возьмись измерять – наверняка золотое сечение обнаружишь. Ширина носа равна расстоянию между внутренними уголками глаз. Идеальные, писаные красавцы.

Парням бы в кино, на сцену, в фотомодели! Но взгляд младшего постоянно опущен в пол. А старший – хотя лет ему не больше двадцати – уже обзавелся скорбной морщиной на переносице. Похоже, помощников у него нет – сам инвалида тянет.

Задание, которое я выклянчила, не казалось слишком сложным. Подумаешь, найти учительницу, которая уволилась и – несомненно, по-дилетантски – заметала следы!

Хотя Федор, конечно, был прав: искать Ольгу незачем.

Находись рядом Паша, мы вместе нашли бы тактичный способ отказать странной парочке. Но я была одна, и проклятая бабская жалость не позволила выгнать человека, который совершил подвиг. А как еще поступок Ярика назвать? Аутисты, насколько я знаю, всего боятся, из своей раковины не выбираются. Но этот – решился самостоятельно выйти из дома, найти наше агентство, прийти, попросить.

И брат – пусть идея Ярика его откровенно раздражала – тоже поступил благородно. Не поволок несчастного с позором домой. Но согласился подписать договор, даже не спросив про сумму гонорара.

Впрочем, цену я назвала минимальную. Практически благотворительную. Сейчас милосердие в тренде, пора и мне кому-то помочь. К тому же других дел все равно нет. Пашино сексистское указание оттереть от вековой пыли плинтусы (уборщица не касалась их принципиально) можно проигнорировать.

Федор выдал аванс немедленно. Ярик посмотрел на брата истовым взглядом цепного пса, на долю секунды вскинул на меня свои идеального разреза глаза и пробормотал:

– Видео.

Старший брат немедленно перевел:

– Он хочет, чтобы Оля записала для него видео.

– Зачем?

– Видео! – насупился Ярик.

Я растерянно взглянула на Федора.

– Просто хочешь на нее посмотреть? – ласково спросил брат.

– Видео. Знает! – начал горячиться больной.

– Сама, короче, пусть решает, че ему сказать, – догадался наконец Федор.

Аутист кивнул.

– Но вообще я в шоке. Сколько телодвижений ради какой-то Оли. Ему обычно на всех плевать, – прокомментировал Федор.

В его тоне отчетливо звенели нотки ревности.

– Видео! – повторил Ярик. И топнул ногой.

– Все, хватит мне тут концертов! – повысил голос старший брат. – Пошли.

Когда странные мои заказчики удалились, я начала с простейшего: вбила Польскую Ольгу Савельевну в поисковик.

Можно уволиться с работы и сбежать с квартиры – но кто в наше время станет удалять профиль в социальных сетях?

Однако странички Ольги оказались скудными, практически нежилыми. Никаких «Я сегодня пью кофе там-то и иду на концерт туда-то». Последние записи – месячной давности, и то перепосты.

Но искомые фамилия-имя-отчество нашлись – к моему огромному удивлению – в числе выпускников хореографического училища при Главном театре страны. Полная тезка? Надо проверить. Я открыла краткую справку. Там значилось: «Обучалась с 2006 по 2016 год, по окончании была принята в труппу театра, танцевала в кордебалете. После травмы в 2017 году занялась педагогической и волонтерской деятельностью, в настоящее время работает в Центре реабилитации больных аутизмом».

Круто. Несомненно, та самая. Неужели она еще и балерина? А несчастный инвалид в нее влюбился!

Если отбросить его болезнь, были бы прекрасной парой.

С фотографии на меня глядело очередное идеальное лицо – только женское. Лебединая, как положено танцовщицам, шея, гордая посадка головы, глазищи-блюдца в оперении шелка ресниц.

Странно, что Федор столь дивную красавицу для себя не приметил. Но старший сказал определенно: «Не знаю даже, как выглядит. Я на училок не смотрю. Мое дело – привести, забрать, заплатить».

– А Ольга его единственной учительницей была?

– Нет, конечно. Там человек двадцать. С одними рисуют, с другими – в кубики играют.

– Но пообщаться ведь с ними можно?

– Можно. Но я не общался. Некогда. Да я и не мамка, чтоб спрашивать, чему там мой пупсинька научился.

Федор в Центре только двоих знал: администратора по имени Ксюша и еще назвал Антонину Валерьевну. «Это самая главная. Она официально Боева, но все Забоевой называют. Потому что любой проект пробьет и, говорят, прибить, если что, может».

Начальницу я пока решила не беспокоить. Но поговорить с Ксюшей надо попробовать. Тем более Федя сказал, что болтать девушка обожает. Да и Центр реабилитации располагался удобно – всего в двух станциях метро от нашего агентства, на задворках Кузьминского кладбища.

Я ждала чего-то похожего на районную поликлинику, но местечко оказалось светлым, чистым, радостным. Перед зданием раскинулся отличный садик с фруктовыми деревьями, хвойниками, фонариками и чистыми дорожками. В фойе пахло ванилью и кофе. Из аквариума таращились горбоносые рыбы-попугаи, холодно-зеленые стены пестрели буйством красок. Судя по полной абстракции, то были картины Кандинского – или, скорее всего, пациентов.

Рыжеволосая Ксюша встретила приветливо:

– Вы к нам впервые? Чем могу помочь?

И с интересом уставилась на мои ногти, крашенные по технологии «кошачий глаз».

Легенду я придумывать не стала, сказала правду.

Хозяйка ресепшена округлила глаза:

– Обалдеть! Наш Ярик – сам – частного детектива нанял?!

– Ну, не совсем сам. Они с братом приходили. Но идея его.

– Да, Ярослав жжет, – округлила глаза Ксюша. – Сюда ходить бросил, как только Ольга ушла. Теперь еще и сыщика прислал!

Я понизила голос:

– Он подросток. Возможно, это первая любовь?

Девушка с сомнением протянула:

– У них? Любовь?!

– А почему нет?

– Потому что они другие. Аутята – то есть, пардон, больные с расстройствами аутистического спектра – они отношения вообще не умеют строить. Я уже шесть лет здесь работаю – и ни одной романтической истории. Между взрослыми пациентами – да, бывает иногда. Но чисто секс. А любовь – это ведь поговорить. Подарки. Цветы. Аутисты ничего этого не могут.

– Ладно, не любовь. Просто взрыв чувств. Гормональный бунт. Он на нее набросился, девушка, допустим, испугалась… – начала фантазировать я.

– На Ольгу-то? – наморщила нос Ксюша. – Набросился?! Да Ярик ее боялся, как огня!

– Боялся?

– Она дистанцию держала прекрасно. И рявкнуть умела. Даже Антонина Валерьевна ей замечания делала, что нельзя так орать.

– Прямо орала?

– А как не орать, когда с аутистами балет ставишь?

– Они что, правда ставили настоящий балет?!

Ксюша улыбнулась:

– Метод «Игровое время»[5 - «Игровое время» – поведенческий метод лечения аутизма, заключается в следовании патологическим привычкам и использовании их для привлечения интереса и установления контакта.] везде есть. А наш Центр – экспериментальная площадка. Здесь все можно. Если есть шанс, что больным поможет. Ольгина идея, конечно, совсем завиральной казалась, но все равно решили попробовать. Антонина Валерьевна сказала, что будет интересно связать в одно две несовместимые категории. Больные с ограниченной подвижностью – и балет. Специально под проект станки купили. Зеркала. Пианиста взяли на четверть ставки.

– И что они ставили?

– Вторую часть «Артефакт-сюиты» Фредерика Форсайта, – заученно отбарабанила Ксюша.

– Никогда не слышала, – призналась я.

– Ну… это такой очень современный балет. На музыку Эвы Кроссман-Хехт. – Понизила голос, хихикнула. – Скрип и скрежет, короче.

– И как у них получалось?

– Как на этих картинах. Авангард, – улыбнулась девушка. – Ничего непонятно. Дергаются, будто их током бьют. Хотя видно: люди очень старались.

– А Ярик – он… э… в кордебалете был?

– Нет. Звезда. Один из четырех солистов. Там две пары в главных партиях.

– Мне Федор ничего об этом не говорил, – пробормотала я.

– Думаю, он не воспринимал занятие брата всерьез. А сам Ярик стеснялся очень, – улыбнулась Ксюша. – Меня просил и всех в детали не вдаваться. Боялся – брат засмеет. Балет, мол, не мужское дело. Сам-то Федор – мастер паркура. Вот это да, это для кобелей. А балет – для девочек. Ярик очень обрадовался, когда узнал, что брат на премьеру не придет.

Я задумчиво произнесла:

– Если тут не любовь, зачем все-таки Ярику Оля? Сейчас?

– Я думаю, один из симптомов аутизма, – со знанием дела изрекла Ксюша.

– В каком смысле?

– Чрезмерная привязанность. У одних больных – к черепахе. У других – к училке. Забрали игрушку – мир рухнул, пациент в панику впал.

– Ольга ушла, насколько я знаю, внезапно? И никаких контактов не оставила? Почему?

Ксюша вздохнула:

– Про это не скажу. Мы ведь с ней так, привет-пока. Я девочка-секретарь. Типа мебели. Вам надо с кем-то из педагогов поговорить. С Лейлой, например. Они, по-моему, дружили.

– И где мне ее найти?

Ксюша взглянула в монитор:

– У нее сейчас сенсорные игры. Освободится через час. Но если хотите, можете прямо в классе ее подождать.

– А так можно? – удивилась я.

– У нас открытый Центр. Постоянно кто-то на стажировках, приходит, уходит. Только бахилы наденьте.

* * *

Ксюша без колебаний оставила свой пост и провела меня в класс сенсорной терапии. Спрашивать, кто я, и тем паче проверять документы никто не стал – совсем юная зеленоглазая девушка в розовом платьице (вокруг нее на креслах-подушках расположились человек пять пациентов) лишь улыбнулась, быстро сказала: «Садитесь во второй ряд!» – и перестала обращать на меня внимание.

Помещение нарядное: на подоконнике цветы, в углу комнаты умиротворенно журчит фонтанчик. Подростки, которые проходили обучение, не выглядели слишком больными. Ну, теребит мальчик все время нос, а девочка монотонно раскачивается на своем пуфе – но нынче в метро и куда бо?льших оригиналов встретишь. А тема урока, на мой взгляд, годилась даже для художественного училища: юное создание учило своих подопечных различать оттенки цвета. Показывала картинки, терпеливо объясняла, что вот простой красный, а это – пурпурный, а это – алый. Азы ученики усвоили быстро, и Лейла смело отправилась в дебри. Лично я слыхом не слыхивала про цвет фарфоровой розы или азалиевый, но пациенты отбирали нужные картинки, почти не ошибаясь.

Сами, правда, говорили неохотно, но беспомощная на вид учительница сразу добавляла в свой голос стали, и дети послушным хором повторяли то слово, что она требовала. До тех пор, пока загадочный «ос-со» не превращался в «цвет острого соуса».

Как пролетел час, я даже не заметила, и слегка растерялась, когда ученики быстро разошлись, и молоденькая учительница с некоторой опаской меня спросила:

– А вы к нам откуда?

– Мне надо Ольгу Польскую найти.

Девушка нахмурилась:

– Зачем?

Я снова не стала врать:

– Ярик попросил.

– А вы ему кто?

– Я частный детектив.

Лейла рассмеялась:

– Узнаю Ярика. Никогда не сдается.

– Но зачем ему нужна Ольга? Какой у парня мотив?

Учительница задумчиво молвила:

– У нас тут некоторые считают – влюбился он в нее. Но лично я думаю – ничего подобного. Вы вообще знакомы с расстройствами аутистического спектра?

– Смотрела «Человека дождя».

– Это кино, – отмахнулась Лейла. – А в жизни наши пациенты мало похожи на Дастина Хоффмана. Вы знаете, что Ярик даже ходить нормально не умел? Нет, не хромал, но очень смешно подбрасывал ноги – как цапля. И головой кивал в такт каждому шагу.

– Ничего такого я не заметила.

– Вот именно. Потому что Ольга в него поверила. Многих ребят без нарушений походки отправила в кордебалет. А Ярику доверила роль солиста. Он это очень ценил. Все остальные занятия забросил – в репетиционном зале торчал безвылазно. Можете себе представить? Ноги у парня не слушаются, а он по сто, двести, триста раз делает гранд-плие! Причем Оля с ним не церемонилась. У нас строго запрещено, но она его крыла конкретно. И голень подправляла

линейкой – довольно болезненно, Ярик морщился. Но терпел. И работал.

– По-моему, подходящая обстановка, чтобы парень потерял голову.

– А по-моему, он к ней просто очень привык. Часто повторял: «Мой брат и Оля». Это был его мир.

– Но почему все-таки Ольга ушла? И куда?

Лейла понизила голос:

– Я не могу выдавать чужие тайны.

– Ярик не надеется, что она вернется. Он просил только видеописьмо. Будет – насколько я теперь понимаю аутистов – просматривать его по сто раз в день.

Учительница подошла ко мне еще ближе:

– Антонина Валерьевна очень сердится. Говорит, что Ольга ее подставила. «Артефакт» ведь произвел фурор. Программой реабилитации с помощью балета многие заинтересовались. Англичане обещали приехать, австрийцы. А показывать им теперь нечего. Без Оли все развалилось. Никто даже подумать не мог, что она сразу после премьеры уйдет.

– Но в чем причина?

– Оля жаловалась, что смертельно устала. Она ведь не дефектолог, медицине не училась, стажировки в специнтернатах не проходила, с больными никогда не работала, в семье у нее аутистов тоже нет. Служила в Главном театре – богема, овации, цветы. А сразу после травмы к нам пришла. Придумала свой проект удивительный. Отдавала ему все силы. Но по пятнадцать часов в день проводить с больными неспециалисту очень тяжело. Если бы постепенно включалась – привыкла. А так она просто выгорела, я считаю. Тем более что все – включая журналистов – немедленно начали требовать от нее новой постановки. Оля поняла, что больше не выдержит, и поэтому убежала. Оборвала все концы, чтобы не искали.

– Куда она скрылась?

– Не знаю.

– Знаете. – Добавлять в голос металл я тоже умела.

– Хорошо, могу предположить, – легко сдалась Лейла. – Но… это точно только для Ярика? Вы не скажете Антонине Валерьевне?

– Конечно, нет!

– У Оли был молодой человек. Близкий друг. Родом из Пскова. Они собирались пожениться. Возможно, она уехала к нему.

* * *

Отследить дальнейший трафик гражданки Польской я смогла очень быстро. Один звонок участковому (слегка в меня влюбленному) – и я уже знала, что Ольга в открытую, по своему паспорту взяла билет на поезд и отбыла – почему-то, правда, в Санкт-Петербург. Также мой любезный помощник сообщил, что девушка уже успела подать заявление во Дворец бракосочетаний города Пскова и назвал фамилию-имя-адрес ее избранника.

Я могла бы поулыбаться и попросить еще. Узнать мобильный телефон жениха, например. И, возможно, новый – уже псковский – номер Ольги. Но Паша всегда меня наставлял, что хорошим к себе отношением нельзя злоупотреблять. Начнешь безбожно эксплуатировать участкового – вообще пошлет. Или потребует расплаты – понятно какой. Я, конечно, ищу Синичкину замену, но женатых не рассматриваю принципиально.

Прежде чем звонить заказчику и докладывать о предварительных результатах, решила выяснить – а далеко ли до Пскова? Оказалось, что от Москвы чуть больше семисот километров. Туда ходят поезда (почему-то тащатся целых двенадцать часов) и летают самолеты.

Дают добро на командировки и возмещают расходы всегда клиенты. Но неужели я не могу себе позволить – в рамках собственной благотворительной

программы – выложить две тысячи за верхнюю полку в купейном вагоне? А дальше я открыла сайт авиакомпании и вообще обалдела. За билет на самолет в Псков с меня попросили 888 рублей. Не всякого таксиста уговоришь за такие деньги по Москве повозить, а тут целый час в воздухе! В чем, интересно, подвох? Рейс задержат на пару дней? Возьмут тысяч пять за мой скромный дорожный рюкзак? Или нас вообще повезет дряхлый «Ан-2», а высаживать пассажиров (чтобы сэкономить на топливе и не платить аэропорту за стоянку) станут с помощью парашютов?

Никаких билетов покупать не бросилась. Посмотрела, сколько стоят в Пскове гостиницы. Не слишком дешево, но осилить можно. Однако потом вспомнила, что в адресе жениха значится не сам город, а деревня Прасковичи. Погуглила: местечко оказалось в десяти километрах от города. Река Великая, рыбалка, прогулки на катерах, конно-спортивный центр. И только что построенный микрорайон высоток, нависавших над одноэтажными домиками. За жилье там сейчас – не в сезон, в середине холодного апреля, – просили совсем гроши.

И тогда я окончательно решила: Федора даже предупреждать не буду, что собираюсь в командировку. Смотаюсь в Прасковичи, найду Ольгу, все ей объясню, попрошу записать видео. И триумфально вручу его Ярику. Получится доброе дело. И гораздо эффективнее, чем по телефону звонить. Раз Ольга решила с прошлой жизнью порвать, может банально трубку бросить, и потом к ней не подступишься. Намного проще человека лично уболтать – когда видишь его лицо, реакции, чувствуешь настроение.

Да и просто хотелось мне съездить в командировку не по заданию шефа, а полностью в самостоятельную.

Я пока не знала, во что ввязываюсь, и радостно приобрела билет на завтрашний рейс. Звонить Паше, рассказывать о своей задумке ничего не стала. Побежала домой собираться.

Багаж по моему копеечному билету, разумеется, не полагался, ручная кладь жестко ограничивалась. Но я умею выворачиваться из любых ситуаций. Тщательно перетряхнула все свои косметические залежи. Кремы взяла – только пробники, любимый шампунь перелила в крошечную бутылочку. Лак для ногтей прихватила единственный, пудру маленькую, походную, одежды тоже самый минимум, но чтобы все предметы сочетались между собой. Одноразовые тапочки, гель для душа и кофе с чаем мне обещали хозяева апартаментов.

Ужалась до четырех килограммов с небольшим – даже меньше нормы. Однако в аэропорту мой рюкзачок ни в какие рамки для измерения габаритов не запихивали и даже взвешивать не стали. Рейс не задерживали, говорили, что очень рады видеть, и место предложили впереди, у окошка – безо всяких доплат.

– Чего это вы добрые такие? – подозрительно спросила я у юного регистратора.

Тот жизнерадостно улыбнулся:

– Так праздник! Первый рейс за полгода!

– Да вы что? А почему раньше не летали?

– У них аэропорт старенький, вечно на ремонте. Да и направление не самое популярное.

Однако народу нас собрался полный самолет. И детей полно, хотя никаких каникул. Изумительно стройные девчушки деловито тащили упакованные в тканевые чехлы обручи, вальяжные подростки с теннисными сумками громко галдели. Говорливая старушка, что сидела рядом со мной, прояснила – с нескрываемой гордостью:

– У нас город спортивный! И хоккей тебе, и фигурное, и гимнастика художественная. Тренеров из-за границы даже приглашают. Гимнасточки – те, видно, в Москву на соревнования ездили. А теннисисты – к нам. В Пскове хороший клуб и турниры престижные, со всей страны на них рвутся.

Самолет (новенький суперджет) взлетел, стюардессы разнесли бесплатные соки, пилот сообщил, что мы прибудем в Кресты ровно через час.

– Прибудем куда? – опешила я.

– Аэропорт у нас так называется, – просветила бабуля. И добавила недовольно: – Нехорошее место. Три катастрофы уже было.

Я побледнела. Старушка успокоила:

– Все самолеты военные. Гражданские не падали пока.

Я занервничала еще больше, но сели мы мягонько, аккуратно.

Аэропорт оказался двухэтажным, стареньким, серым. Площадь перед ним и вовсе немощеная. А самое удивительное – ни единого таксиста, хотя по прилете куда угодно через их толпу не пробиться.

Но на одинокую автобусную остановку ни один из пассажиров не пошел, даже моя соседка-бабуля поставила на землю свою клетчатую сумку, достала телефон и просветила:

– У нас, внученька, такси дешевое. Тебе куда ехать? Давай, на твою долю вызову.

– Мне за город. В Прасковичи.

– Тогда рублей двести возьмут. Не дорого тебе?

– Нам бы в Москве такие цены, – вздохну-ла я.

И уже через полчаса обживалась на восьмом этаже очаровательной студии: чистенько, все предметы друг другу под цвет, вместо типично-старинных гостиничных теликов на стене – огромный экран, с лоджии умиротворяющий вид: солнце искрит о воды реки Великой.

Однако желание полюбоваться пейзажем, пощипывая виноград из вазы с фруктами (подарок от хозяина квартиры), я подавила. Пусть путешествую за свой счет, но рабочий день пока в разгаре. Нужно побыстрее найти Ольгу, взять с нее видео – да улететь домой. Если буду действовать оперативно и завтра вернусь в Москву, может, и от Паши смогу скрыть свою самодеятельность (каковую босс наверняка не одобрит).

Я нашла на карте Прасковичей дом Георгия Климко – Олиного жениха. Располагался он по другую сторону шоссе, в частном секторе. И только сейчас (каюсь, весьма запоздало) меня осенило. А с чего я взяла, что найду Ольгу там?

Да, ее суженый прописан в этой деревеньке. Но жить они могут совсем в другом месте. И вообще, из Москвы Оля отправилась не сюда, а в Питер. Может, там парочка и проводит время? Или, например, в Эстонию махнули – до нее отсюда полчаса езды.

«Да, Римма. Тебе все-таки пока нужно мужское руководство», – самокритично подумала я.

Однако далее терзать себя упреками не стала. Отработаем для начала адрес прописки – вдруг повезет? Только идти туда надо немедленно, иначе еще больше издергаюсь.

Я прихватила из вазы с фруктами яблоко – съесть на ходу – и отправилась искать Угловую улицу, дом один, официальное место жительства Георгия.

Солнце пыталось греть по-весеннему, но ветрище задувал неистово. От реки Великой веяло холодом. У лошадей, что паслись в загоне напротив моего дома, лихо развевались гривы, я натянула капюшон и вцепилась в него обеими руками.

Асфальт имелся только в «городской» зоне Прасковичей, а в частном секторе началась разбитая грунтовка. Ни единого прохожего, во дворах мечутся, грозно гавкают собаки. И псы, чем дальше в глубь деревни, тем почему-то больше. Первой меня облаяла дворняжка ростом до колена, за ней последовали овчарки, потом ротвейлеры. А отстоящий метров на пятьсот дом номер один по улице Угловой и вовсе охраняли три высоченные, похожие на грациозных танцовщиц, борзые собаки. Георгий, что ли, охотник? Или это у него питомник?

Я подошла к калитке. Одна из собачек встала на задние лапы, легко перегнулась через забор и посмотрела мне в глаза. Молча, но настолько неласково, что храбрый частный детектив мигом отступила на шаг.

Из окна одноэтажного дома высунулось старушечье лицо, беззубый рот прошамкал:

– Вам кого?

– Мне нужна Ольга Польская! – выкрикнула я.

Получилось громко. Борзая собака недовольно зарычала. А бабка – еще громче – заорала в ответ:

– На работе она!

– Где конкретно?

– На ра-бо-те! – повторила старуха со всей мочи.

Бабка, похоже, приняла меня за глухую.

Собак громкие звуки явно раздражали – теперь все три борзые встали на задние лапы, облокотились о забор и всем своим видом показывали, что легко его перепрыгнут и растерзают меня, если осмелюсь молвить хоть слово.

Но я жалобно проголосила:

– А где Оля сейчас работает?

На бабкино лицо легла тень подозрения. Она, несомненно, вознамерилась устроить мне допрос.

Чтобы его избежать, я легонько пнула ногой в забор. Борзые немедленно залились очень громким хоровым лаем.

Хор оказался настолько мощным, что вздрогнула даже хозяйка. Зажала уши, рявкнула:

– В столовке нашей!

И захлопнула окно.

– Ура! – шепотом произнесла я.

Оля все-таки здесь.

Но какой вираж для бывшей балерины Главного театра и постановщика успешного спектакля! Чем, интересно, она занимается в общепите деревни Прасковичи? Лепит пирожки? Строгает салаты?

Одну столовую я видела, когда ехала из аэропорта – занимала она второй этаж довольно унылого с виду здания, на первом – недорогой сетевой магазин. Я еще подумала, что алкоголикам очень удобно брать спиртное внизу, а потом за борщом и салатиком распивать.

В Прасковичах, возможно, имелись и другие точки общепита, но оперативное чутье, вдохновленное предыдущей победой, просто вопило: я найду Ольгу именно там.

Пока дошла до столовой, задубела до состояния Снежной королевы. В голову лезла крамола: прикупить шкалик водочки, выпить залпом под горячий борщ. Впрочем, грозное объявление, что приносить и распивать запрещено категорически, строго и в любых обстоятельствах, охладило мой пыл, а также напомнило, что я в деревне Прасковичи, а не в детективе Чейза, где главный герой постоянно смешивает себе коктейли.

Народу в обеденном зале не оказалось, за стойкой тоже никто не стоял. Телевизор неизвестно кому показывал Машу с медведями.

– Хозяева! – все еще дрожащим от холода голосом позвала я.

И наконец увидела предмет вожделения Ярослава.

Бедный мальчик. Теперь я его понимала. Эти бархатные, как у лани, глаза, пышный шелк волос, гордая шея, несомненно, сводили с ума многих, не только подростков.

– Вы пообедать? – спросила меня красавица.

– Вы Ольга? – ринулась я с места в карьер.

Она опасливо оглянулась в недра кухни (я заметила там мощную мужскую фигуру), дала мне меню, громко произнесла:

– Выбирайте!

И перепуганным шепотом добавила:

– Кто вы такая?

Я открыла меню и тоже начала говорить то в полный голос, то тихо:

– Пожалуйста, салат из капусты. Я частный детектив, меня прислали братья Дорофеевы. Суп с фрикадельками. Ярик очень переживает, что вы ушли. Бефстроганов с гречкой. Он понимает, что вы не вернетесь, и очень просит записать для него видеописьмо. Просто на память.

– Бефстроганов кончился. Возьмите пельмени, сами делаем.

Лань продолжала смотреть затравленно, будто перед ней тигр как минимум. Пробормотала:

– Как вы нашли меня?

– Вы уехали по именному билету и подали заявление во Дворец бракосочетаний. Но в Центре реабилитации никто не узнает, где вы. Я этого даже Дорофеевым не скажу. И тем более Антонине Валерьевне.

– Ах, при чем здесь она! Соус к пельменям – сметана или майонез?

– Майонез. И еще компот.

– Ладно, только ради Ярика. Ешьте – а потом сразу идите в деревню Загорье. Отсюда направо, примерно километр. Там спуск к реке, мостки. Встретимся через час. С вас триста сорок два рубля.

Звонко щелкнула касса. Из кухни показался громадный мужчина, искоса взглянул на меня, потом на Ольгу. Спросил:

– Калькулятор опять не работает?

Она улыбнулась – хорошо поставленной, театральной улыбкой.

– Батарейка села, Гошик! Но я посчитала в уме!

Мужчина положил лапищу на худенькое плечо испуганной лани, строгим тоном обратился ко мне:

– А вы в наши края зачем?

– Лошадей люблю и рыбалку, – лихо соврала я.

Он взглянул с сомнением, но ничего не спросил. Однако и Ольгу больше из кухни не выпускал. Сам принес мне обед, выслушал похвалы, убрал пустые тарелки.

– Вы здесь только вдвоем работаете? – поинтересовалась я.

– В обычные дни да. Когда свадьбы или поминки – с помощниками.

Я еще раз оглядела столовку. Потертый кафель, скучные стены. В открытую дверь кухни видно, как Ольга в перчатках по локоть моет посуду – совсем каменный век.

«По-моему, ставить балеты в Москве – пусть даже с аутистами – гораздо интереснее», – подумалось мне.

Но потом огромный и суровый Георгий подошел к своей невесте, обнял ее – и она отозвалась такой счастливой улыбкой, что мне сразу стало понятно: грязные тарелки в Прасковичах – ерунда, когда тебя любят.

* * *

С раннего детства Ольга привыкла бояться, но не показывать вида. Страх шел с ней рука об руку с четырех лет, когда малышка начала посещать уроки танцев. Прочие девочки плясали для удовольствия. Но Олина мама прочила дочке карьеру балерины и постоянно пугала, что в хореографическое училище при Главном театре страны ее не возьмут.

Дальше – когда все-таки взяли – тоже постоянно висела угроза. Не отберут на отчетный концерт, поставят последней в ряду, переведут в миманс, отчислят за бесперспективность, высокий рост или лишний вес.

Звездных задатков Оля не демонстрировала, но подружек невесты и всевозможные па-де-катр танцевала регулярно. Однако страх не отступал. Известно всем: даже в кордебалет в Главном театре конкурс. И в Станиславского не всякого возьмут. Приезжие – те хотя бы домой могут вернуться с престижными «корочками», а ей куда? Преподавать танцы в Доме культуры?!

В Главный театр Оля все же попала. Но здесь умели пугать куда круче, чем в училище: не смей поправиться, не вздумай загорать, не дай бог тебе забеременеть. Угроза висела над всеми, но Ольга, пожалуй, единственная вообще не могла расслабиться. Плохо спала ночами, грызла на нервной почве ногти. Подружки откровенно над ней посмеивались, тогдашний молодой человек пенял, что у нее тревожно-мнительный характер. Мама внезапно вышла замуж и теперь третировала дочь на пару с супругом. Ольге пришлось съехать от «молодоженов» в съемную квартирку на окраине. Пару дней она просто радовалась, а потом появился новый страх: что делать, если уволят? Возвращаться в родительское гнездо?!

Однажды зимой девушка шла вдоль дома, и ей на правую стопу с крыши грохнулась глыба льда. Боль адская, хотя и в жестких ботинках была. Ее окружили прохожие, стали наперебой советовать: вызывать «Скорую», брать справку, подавать на нерадивых дворников в суд, требовать компенсации. Но Оля врачей боялась с детства, да и сутяжничать не умела. Поэтому просто заплакала и поскакала на одной ноге домой.

Пару репетиций можно было пропустить безо всякой справки, и она старательно лечила ушиб мазями, ванночками и льдом. Но когда на третий день пальцы распухли и посинели, пришлось все-таки сдаваться в травмпункт. Там сделали снимок, вынесли вердикт: перелом. Перспектива мрачная: сначала три недели в гипсе, дальше месяц абсолютно без физических нагрузок, а потом – как пойдет. «Или будете танцевать, но через постоянную боль. А может, встанете на пуанты и сразу опять сломаете», – предрек доктор.

На этот раз Оля поняла: если бояться еще и того, как поведет себя ее нога, она просто не выдержит.

Позвонила в отдел кадров и объявила, что сразу, как закроет больничный, уйдет по собственному. А пока валялась дома перед теликом, читала и гадала, чем заниматься дальше.

Очевидный путь – учить детей – ее не привлекал. Малышовые бальные танцы раздражали атмосферой – слишком много девочек на нескольких надменных мальчишек, слишком амбициозные родители. А вести после Главного театра обычный школьный кружок не позволяла гордыня.

Вид из окна ее съемной квартирки настраивал на философские мысли: в отдалении – кладбищенские кресты, перед ними – Центр реабилитации больных аутизмом. И сад, примыкающий к заведению, можно рассмотреть, и все подходы. Оля от скуки и под стать мрачному настроению полюбила сиживать на подоконнике, наблюдать. Как с виду абсолютно нормальные дети внезапно падали в дикой истерике. Как внимательно они слушали учителей, когда занятия шли во дворе, а потом вдруг все, дружно, взрывались болезненным смехом или слезами.

А еще ее очень расстраивало, что больные постоянно шли-стояли-сидели с глазами долу и ужасно от этого сутулились. Хотя серьезных мышечных или костных нарушений у страдающих аутизмом обычно не имелось, Оля изучила этот вопрос – просто от скуки. И задумалась: вдруг им помогут обычные балетные упражнения? Улучшат координацию и осанку, заставят гордо смотреть вперед?

Когда сняли гипс, первым делом она отправилась в Центр. Втайне ждала – ей вежливо откажут. Но дружелюбная девушка с ресепшена немедленно отвела к начальнице, Антонине Валерьевне, а та сбивчивую теорию бывшей балерины даже до конца не дослушала. Сразу приняла решение:

– Приходите и пробуйте!

Оля уже привычно ждала, что сейчас ее начнет колотить дрожь, однако страха – впервые в жизни! – не ощутила. Только огромное любопытство и сильнейшее желание доказать свою теорию. Помочь больным детям. Не подкачать.

И у нее пошло – вопреки недоверию родителей и насмешкам на специализированных форумах. Уже через неделю на программу «балет» (она категорически отказалась назвать свой курс просто «танцами») записались восемь человек. А к моменту, когда закончился больничный, Оля была занята по семь часов в день, и Антонина Валерьевна предложила ей зарплату – причем больше, чем платил Главный театр страны!

– Откуда такие деньги? Вы разве не государственная организация? – удивилась Ольга.

– Государственная. Но у нас большие дотации и много спонсоров, – улыбнулась начальница. – А еще – я в тебя верю.

– Ну… ребята, и правда, стали лучше ходить…

– Это мелочь. Оля, – Антонина Валерьевна заглянула девушке в глаза, – я жду от тебя другого.

– Чего же? – растерялась она.

– Поставь с ними балет.

– Как?!

– Не «Лебединое озеро», конечно. Что-нибудь авангардное. Чтобы никто ничего не понял.

– Вы знаете, по каким критериям отбирают в балет?

– Правила для здоровых здесь не работают. Если есть театр слепоглухих, почему больные аутизмом не могут поставить балетный спектакль?!

И опять Ольга привычно ждала: что сердце екнет, затрепещет, забьется в панике. Однако ничего подобного не случилось. Ей не терпелось поскорее вернуться домой и ринуться в виртуальную балетную библиотеку.

Не успела выбрать партитуру и начать среди пациентов кастинг, сразу и в личной жизни подкрались изменения. Познакомилась с Гошей – очень банально, в супермаркете. Он спросил, для чего Оля покупает пророщенную фасоль и подойдет ли сей продукт на гарнир к сосискам. Девушка прежде терялась, когда к ней обращались пикаперы, но могучему, с добрыми глазами, парню весело улыбнулась и посоветовала взять что-нибудь более калорийное. Пока вместе собирали ему тележку, а ей корзинку, Оля (абсолютно спонтанно) дала незнакомому витязю телефон. Он проводил ее до дома и серьезно сказал: «Я теперь твоим личным псом буду. В любое время зови. И служить буду. И рвать – за тебя».

И сердце бывшей трусишки растаяло окончательно.

Римма

До деревни Загорье пришлось идти по обочине шоссе – даже намека на тротуар не имелось. Ветер грозил перерасти в ураган и пробирал настолько, что ощущение – будто Арктику покоряешь. Ох, до чего я проклинала свою легкую куртку, безбагажный билет и холодный апрель!

Хоть какой бы магазинчик рядом! Ватник купить или одеяло! Но места совсем глухие, даже продуктовых нет, и почти все дома – с темными окнами. А если еще и Ольга не придет?

Но она пришла. Высокие резиновые сапоги на меху не мешали ей шагать от бедра, и даже в залатанном военном ватнике она выглядела безупречно красивой.

Ольга с сожалением взглянула на мою практически бумажную куртяху. Вздохнула:

– Нашли вы, в чем приехать!

И достала из внутреннего кармана военную, защитного цвета, флягу.

Мы стояли на мостках, у ног пестрела ледяной серой рябью река Великая. Ледоход уже прошел, но в воде тут и там еще вспыхивали яркими звездами осколки льда.

Вечерело, ярко-красное солнце падало в воду, ветер с сумасшедшей скоростью гнал облака, плел из них узоры.

Оля виновато проговорила:

– Я бы вас домой пригласила, но Гошу расстраивать не хочу. Он про аутистов больше слышать не может.

– Так пойдемте ко мне, я студию сняла, тут совсем рядом.

Но девушка покачала головой:

– Здесь не Москва. В чужую квартиру зайдешь – мигом доложат. С миллионом деталей. А Гошка ревнивый у меня. Так что давайте потерпим. Я специально для вас коньяк принесла. Держите. – Она протянула мне флягу.

Частный детектив никогда не станет пить с фигурантом. Тем более его спиртное. Но я задубела настолько, что с легкостью нарушила профессиональный кодекс. Послушно сделала глоток, потом второй. Лучше уж употребить на работе, чем совсем несолидно стучать зубами.

– А дома – сразу в горячую ванну, потом теплые носки и в постель, – заботливо проинструктировала Ольга.

– Д-давайте к делу, – попросила я.

– Давайте, – согласилась она. – Я так поняла, Ярик ждет от меня видеописьмо? А что он хочет услышать?

– Не знаю, – улыбнулась я. – Оля. И видео. Все, что сказал.

– Бедный парень, – вздохнула балерина. – Хорошо. Я знаю, чем его порадовать.

Храбро скинула ватник. Встала на фоне заката в одном легком свитере. Щеки сразу зарозовели, волосы черным шлейфом пенились за спиной.

Ольга, несомненно, являлась не просто танцовщицей, но артисткой. Она не говорила никаких особенных слов, но обращалась к Ярику – словно к единственному, любимому, неповторимому, лучшему в мире. И закончила красиво:

– Я никогда больше не вернусь в Москву. Но каждый день буду о тебе помнить. А каждый вечер – возносить молитву за твое здоровье и счастье!

Ярик, несомненно, будет под впечатлением. Но устроит ли его – просто часами пересматривать письмо? Или он сорвется в Псков, чтобы хотя бы сидеть у ног своей королевы?!

«И будет у нее пять псов. Ярослав, Гоша и три борзых», – хмыкнула я про себя.

Когда Ольга закончила говорить, я зааплодировала. А потом сразу подала ей ватник и флягу.

– Ему понравится? – улыбнулась она. – Уходим отсюда?

Но я покачала головой:

– Нет.

– Почему? – нахмурилась девушка. – Вы говорили, что вам только письмо нужно…

– А еще я хочу – лично для себя – знать причину, почему вы поменяли балет на столовую в Пскове.

– Разве непонятно? Я влюбилась. Георгий давно звал меня замуж, но он терпеть не может Москву. И считает, что мне она тоже не слишком полезна. Пусть Ярик и вся моя труппа – удивительные люди, но я ужасно устала от их особенностей. Я не хочу больше ставить с ними балетов!

– Оля, это, конечно, не мое дело… – вздохнула я. – Но вы постоянно облизываете губы и трете ладони. Значит, есть еще какая-то причина. Скажите мне ее.

– Никаких больше причин нет! – прокричала балерина возмущенно и фальшиво.

Все-таки не очень она актриса.

– Что вас подтолкнуло так внезапно сорваться? Даже двух недель по кодексу не отработали, телефон поменяли. Это не для Ярика и тем более не для Антонины Валерьевны. Я просто хочу понять.

– Ох… – Она устало опустилась на мостки.

Вечер уже накрыл деревню Загорье серой шалью. На реке Великой зажегся огонек маяка.

– Зачем вам это знать?

– Федор боится – вдруг вы уехали из-за Ярика? Вдруг он вас попытался обидеть? Он подросток, сильный, крепкий, гормоны бурлят. И за изнасилование – аутиста не посадят.

– Да, Ярик пылок, – улыбнулась она. – Но проблема не в этом. Я умею отгонять кобелей.

– А в чем тогда? – не отставала я.

– Ладно. Дайте выпить. – Взяла флягу и решительно отхлебнула глоток. – Я расскажу.

* * *

Работать и не бояться оказалось чертовски приятно. Чего, действительно, волноваться?

Как шутила рыжая Ксюшка с ресепшн их Центра, ниже богадельни все равно не сошлют.

Да и возможная критика вообще не волновала. Когда Ольга затеяла постановку чрезвычайно сложной в исполнении «Артефакт-сюиты», она понимала: никто не будет ждать от ее подопечных даже намека на настоящий балетный рисунок. Нужны только драйв и кураж – а этого у ее труппы неожиданно оказалось в избытке. Плюс музыка Эвы Кроссман-Хехт (для обычного человека тяжелая, истеричная) почему-то действовала на ее танцоров магически. Готовы были слушать ее живьем, в записи, пять раз в день, десять, целиком и отрывками.

Никогда не знаешь, как жизнь повернется.

Каждый раз, когда выходила в изученной досконально партии виллисы из «Жизели» – тряслась отчаянно. Зато первая для нее лично (и в мире!) постановка балета для аутистов шла легко и приятно.

Для премьеры Антонина Валерьевна сняла Дом культуры, назвала журналистов, телевидение, директоров благотворительных фондов. Небольшой зал ломился – даже родители артистов поместились не все.

Пианисту Ольга строго наказала: ни в коем случае не пытаться, как положено в нормальном балете, подстраиваться под танцоров – но просто играть. А детям приказала: даже если забыл партию от начала и до конца – все равно двигаться. Сама она тоже вышла на сцену – в роли Другой. В Главном театре страны эту роль только примам доверяли, но Ольга под восхищенно-влюбленными взглядами своих артистов чувствовала, что ей бы сегодня и Плисецкая аплодировала.

Главное – кураж. Его они все поймали.

Самая необычная в мире «Артефакт-сюита» произвела фурор.

О ней рассказали вечерние новости на всех каналах, Интернет гудел, печатные издания восторгались. А рано утром Оле позвонили – она, уставшая и возбужденная после премьеры, забыла выключить на телефоне звук.

Девушка сонным голосом отозвалась:

– Алле?

– Убирайся отсюда со своими психами! – грубо рявкнули в трубку.

Ольга подскочила в постели. Запоздало посмотрела на определитель номера: скрыт.

Постаралась успокоиться, глубоко подышать. Выпила кофе. А когда выходила из квартиры, нога угодила во что-то склизкое. Дохлая, с размозженной головой крыса. Прямо под дверью.

Завизжала. Вернулась домой, тщательно вымыла обувь. Сменила колготки. Едва пришла на работу, бросилась к Антонине Валерьевне. Та взглянула в ее перепуганное лицо и сразу спросила:

– Дерьмо под дверь подбросили?

– Н-нет. К-крысу, – пробормотала девушка. – А от-ткуда в-вы знаете?

– Какой еще может быть реакция на удачную премьеру! – светски улыбнулась начальница. – Это хейтеры. Всегда оживляются, когда у нас что-то новое и удачное.

– Но кто они? И почему?!

– Можешь в Интернете посмотреть, – хладнокровно отозвалась Антонина Валерьевна. – Сторонники евгеники. Считают, что аутисты позорят и портят нацию. Их сайты закрывают за экстремизм, но они с новых выныривают. На самом деле просто подростки и придурки. Не бойся. Ничего они тебе не сделают.

– Но адрес мой узнали!

– Подумаешь, сложность! Если ты напротив Центра живешь!

– Значит, они следили за мной?!

– Ольга, прекрати истерить, – повысила голос начальница. – И помни простую истину. Если собака лает – она не укусит.

– Вам хорошо, вы смелая… – жалобно произнесла Оля.

Вышла из кабинета начальницы и немедленно позвонила Георгию. Жених только неделю назад уехал в Псков – помощники с руководством столовой не справлялись, – но выслушал ее и обещал примчаться завтра же.

– Ой, Гош, не надо, – смутилась девушка. – Шефиня говорит, они безопасные.

– И что? Даже просто пугать тебя я тоже никому не позволю!

«Какой он хороший! – наполнилось теплом сердце. – Одну только ночь пережить, а завтра Гошик из любого хейтера отбивную сделает».

День выдался суматошный. Родители пациентов то и дело прорывались благодарить, приезжали пропустившие премьеру журналисты, а часов в пять позвонила начальница, триумфальным голосом молвила:

– Главный театр страны на сегодня нам двадцать билетов выделил. На «Баядерку», в партер. Там номинал – пятнадцать тысяч!

– Знаю, – усмехнулась Оля, еще недавно танцевавшая в третьей вариации картины «Тени».

– Штук десять я нужным людям раздам, – деловито произнесла Антонина Валерьевна, – а остальные ты забирай.

– Зачем они мне?

– Артистов своих сводишь.

– Да они не выдержат «Баядерку»! Сложный, длинный балет.

– Ты что, не понимаешь? Они должны сходить.

– Ну, пусть идут с родителями!

– Нет. Тут дело практически политическое. Они должны быть со своим постановщиком. С тобой.

– А что я делать буду, если хотя бы один – в незнакомой обстановке – мне истерику устроит?! Во время спектакля?!

– Брось. Они тебя слушаются.

И повесила трубку.

«Вот мне радость! – сердито думала бывшая балерина. – Еще недавно сама танцевала, а теперь инвалидов выводить. Да еще в партер, всей труппе на смех».

Но спорить с Антониной Валерьевной – в Центре все знали – категорически нельзя. Поэтому Ольга немедленно прекратила занятие по растяжке и побежала составлять список. Надо взять самых спокойных.

Ярик – девушка, конечно, понимала, что подросток в нее влюблен – в число благонадежных не входил. Но она решила рискнуть. Все-таки солист и по натуре обидчивый. Парень обрадовался, но попросил:

– Федя. Не говорить.

– Почему?

Он взглянул жалобно:

– Смеяться.

– Ладно, – улыбнулась она.

Впрочем, обзванивала родственников Ксюша, и что конкретно надо сказать Федору, Ольга уточнить забыла.

Мучиться в метро не пришлось – Центр выделил микроавтобус. Пока ехали, балерина надрывала голос, рассказывала, что нельзя. В конце спича непедагогично пообещала:

– Кто будет блажить – лично врежу. Линейкой по икрам.

Все ее сегодняшние подопечные балетом занимались и болезненный удар знали. Поэтому в театре вели себя поскромнее обычных школьников, что шуршали во время действия фольгой шоколадок и подглядывали в телефоны.

Во втором действии Оля позволила себе расслабиться. Никию танцевала одна из самых неприятных солисток, и когда та после укуса змеи билась в конвульсиях, отставная балерина представляла, что более удачливая соперница по театральным подмосткам умирает в реальности. (А ее собственные танцоры принимали спектакль за правду и дружно всхлипывали.)

В последнем антракте Ольга повела свою команду в парадный зал. Показала ребятам, насколько прихотливо разрисован здесь потолок. Аутисты обожают разглядывать узоры, и воспитательница думала ненадолго отвлечься, самой понаблюдать за толпой.

И вдруг услышала:

– Сдохни, гадина!

Вздрогнула, резко обернулась.

За спиной – молодая, хорошо одетая пара. Девушка в коктейльном платье, парень в костюме. Оба смотрят с удивлением: что, мол, дергаешься?

– Вы что-то сказали? – обратилась Ольга к молодому человеку.

Тот обернулся к своей спутнице, развел руками.

Девица желчно молвила:

– О чем нам с вами говорить?!

И потянула спутника прочь.

Оля растерянно смотрела им вслед. Послышалось? Но парень вдруг на долю секунды обернулся. Резким движением провел ребром ладони по шее – мол, зарежу. И снова ласково склонился к зазнобе.

Балерину начала колотить дрожь. Подошла к своим танцорам, очень фальшиво и бодро спросила:

– Ребята, вы не устали? Третье действие длинное. Может, домой пойдем?

– Нет! Нет! – дружно возмутилась группа.

И снова хлюпала носами, когда Солор безнадежно пытался поймать тень своей погибшей возлюбленной. А Ольга чувствовала, как весь страх, что копился с четырех лет и лишь ненадолго ее отпустил, навалился с новой, сокрушительной силой.

Всю ночь она не спала.

Когда в шесть утра приехал Георгий, чемоданы были уже собраны.

Ольга попросила жениха купить билеты на одиннадцатичасовый «Сапсан» до Питера. Потом позвонила квартирной хозяйке, сказала, что съезжает сегодня. Затем побежала в Центр. К Антонине Валерьевне идти не решилась – оставила заявление Ксюше.

В три пополудни они уже были в Питере. Гулять по Северной столице не стали – сразу пересели на «Ласточку» и отправились в Псков.

Гоша всю дорогу переживал, что Оля испугается его убогого домика, суровой бабушки, трех громадин – борзых собак. Но невеста заверила, что с ним она больше никого и никогда бояться не будет.

Римма

Нет ничего в мире лучше горячего душа. Я включила абсолютный кипяток, но все равно пару минут меня продолжала бить дрожь. А потом – наступила полная эйфория. До чего приятно возлежать после трудного дня под пушистым одеялом на мягких простынях! Ощущать свое тело теплым, чистым и (чего зря скромничать) красивым! Щипать виноград из вазы с фруктами. И смотреть в приглушенном свете торшера трогательный индийский фильм на огромном экране.

Я чувствовала себя великолепно. Фигурант найден, задание выполнено, затраты минимальны. Чего еще можно желать?

Единственно, Ольгин рассказ – о дохлой крысе под дверью, об угрозах – меня слегка взволновал.

Впрочем, чего теперь за нее беспокоиться? Балерина сбежала, находится в семистах километрах от Москвы, под охраной жениха, суровой старухи и трех борзых собак.

Деревню Прасковичи накрыла тьма, но оказалась она не такой черной, как в это же время в Москве. Чувствовалось, что Питер с его белыми ночами неподалеку. Терпеть не могу спать, когда в комнате светло. Я на секунду выпрыгнула из постели, задернула плотные шторы. Теперь все готово к тому, чтобы не выбираться из кровати как минимум ближайшие десять часов. Устала и заслужила. Даже волосы укладывать не буду. Ногти у меня сейчас синие с черной окантовкой, под такой окрас живописный беспорядок на голове очень даже пойдет.

Индийские страсти на экране медленно, но верно нагоняли зевоту, я взяла пульт и никак не могла решить, что делать дальше. Погонять каналы еще или просто выключить телевизор? А может, позвонить Федору? Похвастаться своими успехами? Или пока промолчать? Вернуться в Москву, пригласить в офис и предъявить ему Ольгино письмо?

Но тут сомнения разрешились сами собой. Зазвонил мобильник. Мой заказчик, легок на помине. Уверенный в себе парень. Не стесняется дергать в десять вечера.

Я отозвалась – нарочито бодрым голосом:

– Алло.

– Римма, вы где? – Его голос звучал сипло, почти панически.

– В Прасковичах, – ляпнула я.

– Это что такое? – растерялся он.

– Деревня. Под Псковом, – отчиталась я.

И страшно на себя разозлилась. Паша всегда меня учил, что не надо выдавать лишнюю информацию. Но я никак не могла избавиться от бэкграунда секретарши: спрашивают – надо отвечать.

Федор, к счастью, не расспрашивал, зачем меня понесло в Псков. Даже, по-моему, вообще информацию не воспринял. Убитым тоном произнес:

– У вас телевизор рядом?

– Да.

– Включите.

– Зачем?

– А вы что, ничего не знаете еще?

Мне показалось – не прошибаемый на вид паркур-мастер на грани истерики.

– О чем я должна знать? – И спокойно уточнила: – Какой канал?

– Любые новости.

Железный Федор всхлипнул. Пробормотал:

– Посмотрите пока. А я… я вам позже перезвоню.

В трубке запищали гудки. Я отшвырнула телефон, щелкнула кнопкой пульта и сама не заметила, как вцепилась зубами в свой идеально накрашенный ноготь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Автор Роджер Миллер.

2

Ноггано. Russian Paradise.

3

Дэмьен Волтерс – профессиональный каскадер, тренер по гимнастике и фриранер.

4

Дромомания – влечение к побегам из дома, скитанию и перемене мест, наблюдается при различных психических заболеваниях.

5

«Игровое время» – поведенческий метод лечения аутизма, заключается в следовании патологическим привычкам и использовании их для привлечения интереса и установления контакта.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna/brat-otvetit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить